

ПЫЛЬНО-БЕЖЕВЫЙ ЭТЮД

Сенсация... знаменитость... законодатель мировой моды... метеор, невеста явившийся откуда... «человек, взорвавший основы отечественного мракобесия»... Вячеслав Зайцев со своим театром моды побывал в Кишиневе. Конечно, «ММ» не могла пройти мимо этого события. Прямо скажем, серьезного, абстрактно-философского интервью, какие обычно предпочитает Вячеслав Михайлович, не получилось. Зайцева уж слишком активно штурмовала наша разношерстная

Модельер Вячеслав Зайцев. Кишинев. 1990. 12 июля

КОРР.: Меня удивил ваш маршрут: Нью-Йорк — и сразу Кишинев...

В. ЗАЙЦЕВ: Сюда я приехал чисто символически. Лет 15 назад был в Кишиневе — познакомился. В последнее время слышу, у вас тут происходит интересные события. Мне импонирует стремление народов к свободе, желание вырваться из этого мрака. Поэтому захотелось поднять кишиневцам настроение. А дальше... Париж — Гонконг — Сеул — Сан-Франциско. Я, честно говоря, не пилжон, чтобы шеголять загранпоездками. Просто меня 24 года не выпускали и вот сейчас «прорвало». Такой огромный интерес к моей работе, что не хватает сил и времени везде успеть.

КОРР.: Вас не утомляют журналисты своими бесчисленными вопросами?

В. З.: О! Мне пришлось пережить массу пресс-конференций в Италии и Америке. Западных журналистов я уже отшиваю, то же делаю и с нашими, когда заводят разговор о моих родственниках. Чтобы иметь право задавать такие вопросы, надо хоть немного знать человека.

КОРР.: Насколько я помню, ваши любимые цвета — красный, черный и белый. Каким цветом вы могли бы сегодня передать свое настроение?

В. З.: Пыльно-бежевым, наверное.

КОРР.: Театр моды... Насколько это естественно?

В. З.: Настоящего театра в традиционном понимании этого слова, конечно, нет. Такое название — обыкновенный рекламный ход. Ведь люди устают от демонстраций моделей в чистом виде, когда манекенщицы монотонно шьют под музыку.

В прошлом году я впервые увидел коллекцию Сен-Лорана — одного из королей современной моды, о чем мечтал долгие годы. На это представление в Париж съезжаются люди со всего мира. Я, будучи гостем Дома, сидел во втором ряду и с замиранием смотрел на роскошных женщин. Меня заворожила неповторимая пластика этих прим: звезд-мулаток, негритенок, белых, их дивный макияж. Такие манекенщицы стоят 5000 долларов в час. Я думал, моя мечта сбылась, но скоро их хождение — назад-вперед, наскучило. Вста с лишним моделях, выставленных напоказ, я, как специалист, разглядел всего лишь с десяток новых идей. Основной эффект зрелищу придавали ткани и аксессуары.

Ткани, конечно, у них божественные... А мы до сих пор шьем пальто из драпа...

КОРР.: И вы, чтобы не утомлять зрителей, решили создать театр моды?

В. З.: Да, театр, который помог бы мне оторвать людей от стереотипа восприятия — «мода на сцене, а в жизни все не так». Я постарался создать сценический образ жизненных коллизий, желая подавить в человеке комплекс ущербности и настороженности.

КОРР.: Для этого, наверное, необходима талантливая труппа?

В. З.: Если вы заметили, мои мальчики и девочки не обладают идеальной красотой. Мне важнее характеры, а из типичной, можно сказать, безликой внешности, искусным макияжем можно создавать поразительный образ.

Я думаю дороже других ценятся манекенщицы, обладающие лицом... «никаким».

Мне как-то удалось побывать на презентации у Эленфорд — одной из основательниц бюро манекенщиц мира. Она представляла девушек — будущих звезд. Они вышли на сцену без макияжа, с естественными распущенными волосами, в черных масках и крошечных юбочках, чтобы журналисты могли посмотреть их данные. На другой день Эленфорд пригласила меня на завтрак, ей ведь тоже не помешает реклама. За столом сидели восемь манекенщиц из разных стран. Все они — абсолютно разные, но лица у них — «никакие», и с потрясающими основами — благодатный материал для модельеров. На первое нам подали клубнику, на второе — дыню, на третье — фейхоа. Им даже кофе не дали попить и хлеба поест, абсолютно ничего.

КОРР.: Чем же вы кормите своих девочек?

В. З.: Что есть в столовке, то и едим. Моя прима отравилась в день отъезда. Я надеюсь вволю за границей. Мне иногда говорят: «Господин Зайцев, почему вы не едите мяса?». А я им в ответ: «Какое мясо? Меня от него воротит. Траву давайте, морковку...».

КОРР.: О вас пишут как о законодателя мировой моды, можно предположить, что и советской тоже?

В. З.: Мы не можем серьезно говорить о моде в нашей стране, пока у нас не решена проблема культуры одежды и ее ассортимента. В магазинах должно быть все. И если модельеры говорят людям, что в этом году, к примеру, модно белое, красное и черное, то человек должен иметь возможность выбора понравившейся одежды. Лишь в таком случае можно серьезно говорить о моде. А пока мы делаем какие-то открытия, в худшей или лучшей степени конкурирующие с мировыми образцами и живем только в авторских вещах. Народ же (в целом) одевается как может.

пишущая братия, не позволяя ему сосредоточиться и отрешиться от дел обыденных. И все же нам удалось пообщаться на встрече модельера с творческим коллективом Органного зала.

...Небольшая уютная комната, фрукты, немного шампанского, непринужденная, расслабленная обстановка располагали именно к такой беседе.

КОРР.: Слушая вас, невольно начинаешь думать, что люди за границей какие-то особые и жизнь там блестящая, возможностей уйма. Вам не предлагали остаться там?

В. З.: Было много предложений, но я не уеду. А люди там обычные, есть много злых и жадных. Ведь жизнь у них все же нелегкая, постоянная конкуренция. Лишь немногие роскошествуют. Я как-то познакомился в Италии со всей элитой тамошней сладкой жизни. Но спустя неделю я бежал от нее к себе, в нищие пенаты.

КОРР.: Вас вдохновляет роскошь или нищета?

В. З.: Никогда об этом не думал. Одиночество и чистый лист бумаги — вот мое вдохновение. У меня есть стихотворение...

В ночи беззвучной — крик души...

Но чуда жду я и вдруг приходит

Вдохновение. Веленью божьему

Подвластен, слежу я за рукой,

Слежу как образы пришедшие

извне.

Довольно странных очертаний.

Мир незнакомый и реальный.

Влекут меня, захваченный

Виденьем, я уступаю и тут же

Чувствую успокоенье и тепло.

Душа светла и пробужденна

Наступает.

Какое счастье иногда

В глубины подсознания

проникать*.

КОРР.: Не жертвуете ли вы своим творческим временем, выступая на гастролях?

В. З.: Жертвую. Но при каждом удобном случае бегу в одиночество, стремлюсь сделать то, что обязан. Я должен оправдать свою данность свыше. По-другому и невозможно объяснить причину моего существования и выживания.

Двадцать пять лет назад обо мне стала писать мировая пресса. И тогда вокруг меня создалась настороженная, враждебная среда. Она пугала мною людей. Было много всяких сплетен и слухов, они и сейчас ходят. Но как-то однажды я понял, что вся эта возня — ерунда. Что б ни говорили обо мне, лишь бы говорили. Ведь если я еще кому-то мешаю, значит жив...

КОРР.: Вам знакомо чувство собственной исключительности?

В. З.: Если бы я его испытал хоть раз, то стал бы совершенным другим человеком. Это счастье, что Бог дал мне способность ощущать себя во времени и на своем месте. Бывает, чувствую в себе силу, тогда иду в музей и там себя уничтожаю. Леонардо да Винчи, Микельанджело — боже, какие гении. И какое я ничтожество перед ними. Часто слушаю музыку, она меня уводит в мир возвышенный...

КОРР.: Чаще всего слушаете музыку... чью?

В. З.: ...Короткая вещь... абстрактная... Лунная... Надо же, имя любимого немецкого композитора забывал. Бетховен! Ужасно. Вчера вот забыл имя Ельцина...

КОРР.: А по какому поводу вы хотели его помянуть?

В. З.: По хорошему поводу, не беспокойтесь. Три года назад он дал мне возможность выехать в Канаду. Все говорили, что я сбегаю, а он поверил мне. И я ему очень признателен и благодарен за веру. С того часа и начались мои поездки.

КОРР.: Вы как-то говорили,

что вам нравятся русские женщины. Наверное, набирая труппу, вы отдаете предпочтение славянкам или ориентируетесь на европейские стандарты?

В. З.: Славянские лица в мире сейчас ценятся. В них есть теплота и душевность. В Европе и Америке много манекенщиц из Польши, Чехословакии, Югославии.

У меня вот была чисто русская девушка — широкое лицо, скулы — прекрасная манекенщица. В прошлом году я брал ее в Бразилию, и там, видимо, у нее закружилась голова от успеха. Совсем недавно она сбегала в Париж. Жаль, конечно, я ее воспитывал, оторвал, можно сказать, от сохи, разбудил в ней гонимость и женственность, а она продалась за моей спиной. Видимо перехватили ее тусовщики, которые постоянно вертятся вокруг конкурсов и торгуют девочками. Вероятно, ей хорошо заплатили.

КОРР.: И как вы думаете, ваша манекенщица жалеет о содеянном?

В. З.: Думаю, вряд ли. Она такая дуреха, ей всего 17 лет. Но я на нее зла не таю. Более того, пытаюсь создать для своих девочек и ребят самые благоприятные условия. Ведь у них тяжелая жизнь и получают они нищенскую зарплату. Почему же не дать людям заработать, если предоставляется такая возможность.

КОРР.: Затраченные вами усилия равноценны вашим доходам?

В. З.: Нет. Если на Западе платят за то, что ты воспитываешь манекенщиц, то я это делаю бесплатно и еще доплачиваю им из своего кармана.

КОРР.: Вы приехали в Кишинев с сыном...

В. З.: Вам просто очень повезло. Кишиневцы — первые зрители его коллекции. Работается ему, конечно, тяжело, мешает моя популярность. Но он нашел в себе силы и все-таки состоялся как оригинальный мыслящий модельер, художник. Причем, пошел он в совершенно другом направлении. На него уже делают ставки на Западе. Сам же и от иностранных предложений сейчас уклоняюсь, пошел уже фирму с которой буду сотрудничать.

КОРР.: Какую фирму?

В. З.: А вот этого не скажу. Тайна.

КОРР.: Спасибо за беседу.

Записал Г. ГРУНИН.

Фото Ю. Омелько.

и В. Мухина.

* Воспроизводится по магнитофонной записи — (ред.)

Зайцев В.

19/11-1990